

Культурно-историческое мышление и восприятие будущего

С. М. Форкош, Киевский национальный университет им. Т. Шевченка

Целью статьи является, с одной стороны, формулирование наиболее адекватных подходов к осмыслению трансформационных процессов современной культуры, а с другой – определение ключевых положений инструментария, используя который можно было бы выявить тенденции будущего культуры. На наш взгляд, такого рода инструментарий может быть воплощен в схеме: культурная традиция, культурный диалог и вектор культурных трансформаций. Культурная традиция определяет исторический потенциал культуры, сохраняя базовые ценности существования общества, тем самым указывая пути её возможного развития. Культурный диалог определяет настоящее культуры, дает возможность сосуществованию культур для создания единого культурного пространства с целью сохранения индивидуального в каждой культуре. Такой диалог предполагает выработку особых механизмов коммуникации, в которых учитывались бы своеобразные элементы разных культур, а не отвергались бы как не соответствующие ценностям одной культуры. Вектор культурных трансформаций возникает как результат взаимопроникновения и взаимодополнения культурной традиции и культурного диалога, таким образом воплощая в себе потенциал прошлого и настоящего, обеспечивая будущее. Д. С. Лихачев указал, что возможность такого вектора может быть обеспечена «принципом сопряженности», который фиксирует, что легче разглядеть общие тенденции развития, протягивающиеся в далёкое будущее для того, чтобы протянуть очень длинную мысленную линию в будущее, нужно иметь ей достаточно длинный же противовес в прошлом – линию столь же протяженную в прошедших столетиях. Если протянуть мысленные линии из прошлого в настоящее, то некоторые из этих линий окажутся столь устойчивыми по своему направлению, что их можно будет продолжить и в будущее.

Ключевые слова: будущее культуры; вектор культурных трансформаций; культура; культурная традиция; культурные ценности; методология; «принцип сопряженности» Д. С. Лихачева

Cultural-historical thinking and perception of the future

S. M. Forkosh, Taras Shevchenko Kyiv National University

The aim of the research, from the one side, is the formulation of the most appropriate approaches for understanding the transformational processes of modern culture, and on the other, the definition of key provisions of the toolkit using which one could reveal the tendencies of the future culture.

Radical changes in the modern world are inherent in socio-cultural transformations. Considering the culture as a historically developing mechanism for the reproduction of all socially important values, it becomes clear that it creates and unites modern society, creates the necessary conditions for its fruitful life, fills the ideological and spiritual vacuum and realises the intercivilizational interaction. However, the current state of culture is determined by challenges associated with identifying trends that indicate possible scenarios for the future. In order to clearly reveal these trends, a methodological scheme should be formulated in which the potential for both the life of culture and the historical forms of its manifestation would be embodied. In our opinion, such a scheme should include the following elements: a cultural tradition, a cultural dialogue and a vector of cultural transformations.

The cultural tradition determines the historical potential of culture, preserving the basic values of the existence of society, thus indicating the ways of its possible development. Turning to its origins through tradition, culture overcomes historical distance, thereby recreating its integrity in time, for culture is never limited to the content of the present, it seeks to encompass the entire infinity and depth of historical existence and self-awareness the subjects of the cultural and historical process. Cultural dialogue defines the present culture, enables coexistence of cultures to create a single cultural space in order to preserve the individual in each culture. Such dialogue presupposes the development of special communication mechanisms that take into account the peculiar elements of different cultures, and not be rejected as not conforming to the values of one culture. The vector of cultural transformations arises as a result of interpenetration and complementarity of cultural tradition and cultural dialogue, thus embodying the potential of the past and present to ensure the future. D. S. Likhachev formulated the formation of this through the «conjugacy principle», which proceeds from the belief that it is easier to see the general development tendencies that stretch into the distant future in order to stretch a very long mental line into the future, it is necessary to have a sufficiently long counterweight in the past - a line as extended in the past centuries. If we stretch the mental lines from the past to the present, then some of these lines will be so stable in their direction that they can be continued into the future.

Keywords: future of culture; vector of cultural transformations; culture; cultural tradition; cultural values; methodology; the «conjugacy principle» of D. S. Likhachev

Культурно-історичне мислення і сприйняття майбутнього

С. М. Форкош, Київський національний університет ім. Т. Шевченка

Метою статті є, з одного боку, формулювання найбільш адекватних підходів до осмислення трансформаційних процесів сучасної культури, а з іншого – визначення ключових положень інструментарію, використовуючи який можна було б виявити тенденції майбутньої культури. На наш погляд, такого роду інструментарій може бути втілений у схемі: культурна традиція, культурний діалог і вектор культурних трансформацій. Культурна традиція визначає історичний потенціал культури, зберігаючи базові цінності існування суспільства, тим самим вказуючи шляхи її можливого розвитку. Культурний діалог визначає теперішню культуру, дає можливість співіснування культур для створення єдиного культурного простору з метою збереження індивідуального в кожній культурі. Такий діалог передбачає вироблення особливих механізмів комунікації, в яких враховувалися б своєрідні елементи різних культур, а не відкидалися б як такі, що не відповідають цінностям однієї культури. Вектор культурних трансформацій виникає як результат взаємопроникнення і взаємодоповнення культурної традиції і культурного діалогу, таким чином втілюючи в собі потенціал минулого й сьогодення, забезпечуючи майбутнє. Д. С. Ліхачов сформулював можливість такого вектора через «принцип пов'язаності», який виходить з упевненості, що легше розглядити загальні тенденції розвитку, які протягуються в далеке майбутнє, але для того, щоб протягнути дуже довгу уявну лінію в майбутнє, потрібно мати їй же досить довгу противагу в минулому – лінію настільки ж протяжну в минулих століттях. Якщо протягнути уявні лінії з минулого в сьогодення, то деякі з цих ліній виявляться настільки стійкими за своїм напрямом, що їх можна буде продовжити і в майбутнє.

Ключові слова: майбутнє культури; вектор культурних трансформацій; культура; культурна традиція; культурні цінності; методологія; «принцип пов'язаності» Д. С. Ліхачова

Постановка проблем и анализ публикаций.

Радикальные изменения в современном мире неотъемлемы от социо-культурных трансформаций. Рассматривая культуру как исторически складывающийся механизм воспроизводства всех социально-значимых ценностей, становится ясным, что именно она создает и объединяет современное общество, закладывает необходимые условия для его плодотворной жизнедеятельности, заполнение идейно-духовного вакуума и реализации межцивилизационного взаимодействия. В тоже время неоднократные попытки постижения теории культуры оканчивались неудачей, что заставило научное и творческое общество сделать шаг назад. Поэтому все чаще исследователи обращаются к представлениям здравого смысла и общепринятого употребления понятия культуры для того, чтобы описать особенности культурного многообразия современного мира. Так, Л. Бергер и С. Хантингтон, редакторы известной работы «Многоликая глобализация», подчеркивают, что культура понимается ими «в обычном социально-научном смысле слова, т. е. как верования, ценности и образ жизни обыкновенных людей в их повседневном существовании» [1, с. 9]. Фактически близкие позиции занимают известные украинские исследователи исторических перемен С. Крымский и Ю. Павленко, которые в своей работе использовали списочный подход. В русле их концепции базовым положением оказывается истолкования культуры. В условиях глобализации в системе культуротворческой деятельности культура трактуется как:

- историческая система по происхождению и по своей сути;
- принадлежащая той материнской почве истории, которая порождает человека и человеческую субстанцию культурных процессов;

- процессуальная, не сводимая к статичному из идей, вещей, материи и духа;
- воспроизведение всегда исторического опыта, его потенциальности;
- творческая реализация определяющих потенциалов освоения мира, опыта истории и заданных его возможностей;
- личностная структура переживания, воспроизведения и трансформации истории в нормы и ценности конкретных людей, позволяющих преобразовывать эту историю в биографию индивидуальной жизни;
- более широкая, чем человеческая цивилизация как таковая, допуская не только выход в грядущее как за счет нынешнего, так и путем актуализации без неиспользованных возможностей прошлого [2, с. 12-17].

В каждом из этих положений подчеркивается роль традиционного в жизнедеятельности людей. Это означает, что само существование культуры неотделимо от осознания культурной традиции. Развивать традиции можно только при наличии богатого культурного фонда, соответствующего разнообразию духовной жизни. Это в свою очередь преодолевает существование системного тезауруса культуры и умений пользования его потенциалом. Фактор глобализации не столько унифицирует мир по образцам наиболее развитых стран, сколько придает ему вид полицивилизационной структурно-функциональной системы, в которой отдельные цивилизационные составляющие подвержены разным тенденциям, и своим традиционным идейно-ценностным основаниям в значительной мере определяют будущее народов и стран, которые их образуют. При этом «правда заключается в том, что мы можем предвидеть возможность тех или иных изменений, которые приготовлены для нас,

особенно конкретных крупных структурных изменений...» [4, с. 308]. Подобные изменения касаются прежде всего наиболее важных для современного социума феноменов, которыми оказываются культура, цивилизация, глобализация. Между этими феноменами обнаруживается определенное сходство (см. Таблица 1), что создает значительные неоднозначности и неопределенности, вызывает интерпретационные сложности в исследованиях.

В действительности в функционально-ролевом аспекте эти феномены проявляют свою инаковость, которая осознается в историческом времени. Это означает, что глобализация инновационна по своей природе, цивилизации ограничены конкретным историческим горизонтом, а культуре присуща социальная вечность. Вместе с тем, учитывая фактор взаимовлияния этих феноменов при исследовании общественного будущего, приходится делать акцент равномерно и на анализе

Табл. 1 Схожесть культуры, цивилизации, глобализации.

<i>Параметры сходства</i>	<i>Культура</i>	<i>Цивилизация</i>	<i>Глобализация</i>
<i>Принципиальное сходство</i>	<i>Есть неотъемлемой составляющей частью и имманентной характеристикой любого социума, в том числе и глобального</i>	<i>Есть неотъемлемой составляющей частью и имманентной характеристикой глобального социума, и отдельных социальных общностей</i>	<i>Есть имманентной характеристикой только глобального социума</i>
<i>Существенное сходство</i>	<i>Как явление относится к разным социальным общностям и ко всему человечеству в целом</i>	<i>Как явление относится к отдельным социальным общностям и ко всему человечеству в целом</i>	<i>Как процесс (и в какой-то мере как явление) соотносятся только к человечеству в целом</i>
<i>Относительное сходство</i>	<i>Выступает способом превращения и освоения природной среды и адаптации в ней</i>	<i>Выступает способом превращения социальной среды и адаптации в ней</i>	<i>Выступает способом превращения глобального, социального пространства и адаптации в нем</i>
<i>Непрямое сходство</i>	<i>Являет собой системы отношений: экономических, социальных, политических, духовных</i>	<i>Проявляется в системе отношений: экономических, социальных, политических, духовных</i>	<i>Выступает как глобальных процесс, в который втянуты экономические, социальные, политические и духовные отношения</i>
<i>Сходство в отношении восприятия</i>	<i>Покоряет духовным величием</i>	<i>Покоряет материальным величием</i>	<i>Покоряет масштабным величием, размахом</i>
<i>Характеризуется:</i>	<i>В том числе и всеобъемлемостью</i>	<i>Стремлением к всеобъемлемости</i>	<i>Только всеобъемлемостью</i>

ценностей, и на анализе социальных институтов, что позволит осознать реальные механизмы практического построения нового общества с учетом глобализационных процессов [3, с. 1]. Построение нового общества как сложный трансформационный процесс по своей сути оказывается вхождением в реальное будущее. Подобная трансформационность включает и уничтожение, и переработку старого, и его адекватное воспроизведение, и гибридизацию старого и нового, то есть смешанные формы [4, с. 208].

Из выбранных элементов осмысленно собираются пазлы социальной реальности, что можно рассматривать как творение истории. Некоторые исследователи свое отношение к проблеме выражают в форме отказа от её решения, поскольку игнорируют временной смысл исторических перемен. «Нельзя справиться с прошлым временем, не справляясь со временем настоящим, а настоящее бездыханно. И современное творчество истории скорее подобно рецидивам некрофилии исторического сознания» [5, с. 19]. Подобная точка зрения не только не конструктивна, но и бессмысленна, и поэтому не нуждается в критике, а упоминается лишь в контексте демонстрации крайних вариантов подхода к проблеме культуры.

Целью исследования является, с одной стороны, формулирование наиболее адекватных подходов к осмыслению трансформационных процессов современной культуры, а с другой – определение ключевых положений инструментария, используя который можно было бы выявить тенденции будущего культуры.

Основной материал.

Не достаточной оказывается ориентация на результат и повторение достигнутого. Это связано с тем, что в этом случае ситуация «предстает такой возвращенностью, в которой присутствует не столько тоска по не состоявшемуся, неосмысленному, не пережитому, сколько эмоциональная ситуация за «национальное возрождение», под которым подразумевается обычно возврат к некой утраченной норме, будь-то «историческая территория», «справедливые границы», «гармония с природой», «вековые традиции», «душа и память народа», «народная религия» и подобные сохраненные археологами, историками, этнографами, писателями и журналистами мифы» [6, с. 7]. Положение осложняется тем, что решение проблемы достигается в контексте взаимодействия сосуществующих цивилизаций. В подобном взаимодействии особая роль принадлежит культурной традиции. Культурные традиции – это весь объем культурного наследия, являющийся основой для развития, взаимообогащения и укрепления культур и культурных контактов. Высшей формой подобных контактов, определяющей будущее социума и мира культуры, выступает диалог культур в современном и межцивилизационном мире.

Сложившаяся в доглобализационный период парадигмальная конструкция включала два

основных элемента: институциональные структуры и социокультурный «жизненный мир». В нынешнюю эпоху подобный подход оказывается непродуктивным, поскольку не соответствует трансформационным процессам в современной культуре. Это не только порождает пессимизм, апатию и безысходность, но и приводит к вопросам о смысле будущего. «...Не покидает ли нынешний мир идея человечества как единственного единства, оставляя пустоту, в которую ворвалась стихия этноса, а роль «своего», непримиримость новоявленных сект ...» [7, с. 4].

Большинство исследователей придерживается мнения, что именно диалог культур предстает не только как высшая особая форма социального диалога, но и одновременного выступает условием обретения, понимания будущего. Это фактически означает, что осуществление диалога культур трансформирует его в межцивилизационный договор выживания человечества. «Интересы будущего, более того – интересы самого выживания требуют не свободных наций, но наций и народов, которые хотят и могут подчинить защиту интересов отечества интересам мира, справедливости и общего благосостояния» [8, с. 188]. Интересы социального мира есть ничто иное, как контуры приемлемого будущего. И это будущее не предстает как оптимальная форма, то есть результат теоретических разработок. Стала сомнительной тематизация какого-либо будущего или тем более окончательного исторического состояния, которое необходимо должно наступить и способно поэтому объяснить прошлое и настоящее через их движение к этому состоянию [9, с. 436].

Сопоставление результатов деятельности выдвигает для анализа нечто устойчивое, не поддающиеся под власть тления. Обнаружение фрагментов человеческой деятельности, не поддающихся тлению, С. Крымский назвал ранним проявлением будущего. «Через процессы контурного присутствия будущего в прошлом и настоящем в культурно-историческом процессе возможны невероятные совпадения событий, моделей, образов» [10, с. 31]. Это совпадение не буквальное, а смысловое, которое определяется характером деятельности. Можно вести речь об ориентации векторов адекватной жизнедеятельности в разные эпохи, за которой скрывается потенциал культуры социума. Примером подобного могут быть:

- ситуация в ранних христианских общинах и уровень самоорганизации в современных скандинавских странах;
- стремление к открытию новых земель и современные программы освоения космоса;
- организованность средневековых религиозных орденов и партийных структур в тоталитарном обществе.

Исследователь старался последовательно рассмотреть, «как прошлые столетия накручиваются на вечность, а история раскрывает свой метаисторический аспект с его экзистенциальным

временем. В этом аспекте находит свое пояснение и феномен раннего характера будущего» [10, с. 29].

В подходе С. Крымского соединяются два подхода: уверенность в закономерности и исторической достоверности отдельных процессов; пояснение их отдаленных результатов как ключ к пониманию будущего. Поэтому в качестве кредо следует воспринимать тезис о том, что «в истории действует закономерность, согласно которой явления, четко проявляющиеся на ранних ступенях развития, обязательно будут развиты на его поздних, завершающих фазах в господствующие формы» [10, с. 29]. Конструктивность данного тезиса предполагает иное прочтение истории, концентрацию на креативных факторах социокультурных процессов. Культурная ориентация подобия ранних и поздних форм предполагает изучение не того, что происходит, а того, что сохраняется, поскольку она реализуется через синхронические измерения эпох, их совпадения. Фактически, через инварианты культуры, актуализации прошлого, через «временвороты», образующиеся вокруг сквозных, стержневых ценностей человечества, происходит утверждение человека в его жажде бесконечного.

Несколько иная ситуация складывается с пояснением родства низших и высших форм, поскольку для этого недостаточно фактологического материала. Требуются особые усилия социума: интеллектуальные и нравственные. Только «Уверенность в том, что наши усилия не беспредельны, а цели – принципиально реализуемы, позволяет рационализировать проективную деятельность по превращению «сегодня» в «завтра», войти в состав будущего на доступных человеческому интеллекту основаниях» [10, с. 409]. Подобие основания ориентирует на предвидение, проектирование и согласованный выбор варианта продуктивной деятельности. Поэтому отобранный вариант необходимо оправдать с моральных позиций. Это означает очертить «диапазон реальных возможностей, зависящих и от нашего воображения, и от нашей воли, так как будущее, в котором мы неизбежно будем жить, в значительной степени, если не полностью, будет результатом выбора, который мы для себя делаем сегодня» [11, с. 13]. Осуществление выбора означает понимание ситуации и тех, кто её создал. «Понимать – означает прежде всего разбираться в чем-то, а уж потом, во вторую очередь, вычленять мнение другого, разуметь подразумеваемое им» [12, с. 79]. При этом особую роль играет сама процедура понимания. Она основывается на «возможности пробрасывать вперед себя новую проекцию смысла» [12, с.76]. При этом могут сосуществовать соперничающие проекции, и задача пассионарных групп состоит вовсе не в том, чтобы отдать предпочтение одной из них. Восприятие будущего ориентировано на смысловое движение истолкования, то есть поиск адекватной самой сути конкретных проблем проекции смысла, которая подлежит воплощению

в деятельности. Подход к пониманию будущего наиболее близок к тем идеям, которые проверены в герменевтике. Круговая структура понимания реализуется в рамках формальной соотносительности предварения целостной картины и его последующей экспликации.

В герменевтических построениях «кульминацией всей теории понимания есть акт дивинации, когда толкователь целиком переносится в автора текста, тем самым разрешая все непонятное и озадачивающее» [12, с. 78]. Это позволяет сформулировать предпосылку, направляющую понимание: доступно пониманию лишь действительно осознанное единство смыслов. Если в герменевтике встает вопрос о том, адекватно ли мы понимаем круговращение понимания, то в футурологии правомерно обратиться к формулированию задания историчности понимания. А это означает, что «с особенной силой встают социальные требования освоения истории, то есть присвоения прошлого, настоящего и будущего как жизненных ценностей» [10, с. 16]. Историческая деятельность различных формаций не имеет заданного, предопределенного характера и в своем смыслопроизводящем аспекте является во многом недетерминированной и открытой.

Возникает принципиально новая ситуация, в которой для принятия решений и последующих действий не достаточно знать историю, и не эффективна ориентация в её пластах. На первый план выходит необходимость освоения истории, которая основывается на её исследовании. «Современный опыт убеждает в том, что основные ценности истории составляет не то, что изменяется в форме социально-экономического движения, а инварианта исторической деятельности – то, что сохраняется, хотя и может обогащаться в этом процессе» [10, с. 31].

В эпоху глобализации проявляются первые ростки интегративной тенденции, подмеченной еще Гегелем. В его интерпретации история как смена эпох по стреле времени выполняет свою целевую функцию, когда действующие силы веры, нации и права сливаются в единой духовности, являющейся осознанием свободы как естественной необходимости для всего существующего. На подобную тенденцию обращал внимания П. Сорокин, трактуя её как возможность интегративного строя. Новый рождающийся социокультурный строй или порядок «обещает обеспечить добровольное объединение религии, философии, науки, этики и изящных искусств в одну интегрированную систему высших ценностей Истины, Добра и Красоты» [13, с. 86].

Следует отметить напряженность современной культурной ситуации, которая состоит в том, что всесторонний анализ суперструктур выступает условием оптимального вхождения в будущее. С другой стороны, человеческая мысль в сложившейся ситуации будет искать обходные пути понимания будущего и разрабатывать схемы адаптации к нему. В этом плане привлекает внимание кон-

цепция «линии сопряженности» Д. С. Лихачёва, ориентирующая на понимание и восприятие будущего.

Особое значение это обретает в гуманитарной сфере, где нежизнеспособны как жёсткие методологические конструкции, так и эвристическая комбинаторика. Существенное влияние на формирование соответствующего методологического инструментария оказывают аксиологические факторы, сам феномен современной культуры. Поэтому представляет несомненный интерес обращение к потенциалу, сложившемуся при парадигмальном исследовании и понимании культуры. Особый интерес в концепции «линии сопряженности» Д. С. Лихачёва вызывают выделенные им и его последователями принципиальные положения.

1. Темпоральный диалог, при котором «значимость и масштаб культуры прошлого возрастает одновременно с расширяющимся масштабом культуры настоящего» [14, с. 170].

2. Принцип сопряжения, который исходит из уверенности, что «легче разглядеть общие тенденции развития, протягивающиеся в далёкое будущее для того, чтобы протянуть очень длинную мысленную линию в будущее, нужно иметь ей достаточно длинный же противовес в прошлом – линию столь же протяжённую в прошедших столетиях. Если протянуть мысленные линии из прошлого в настоящее, то некоторые из этих линий окажутся столь устойчивыми по своему направлению, что их можно будет продолжить и в будущее» [15, с. 168].

3. Реализация права на проектный взгляд,

суть которого «заключается в поиске «линий сопряженности» между прошлым и будущим. Учёный находит в историческом прошлом событийные линии, которые сохраняют свою креативную энергию в историческом времени, то есть при движении культуры от прошлого через настоящее к будущему. Таким образом, выстраивается своеобразная методология культурно-исторического мышления, связывающая историческое время» [14, с.171].

Выводы.

На основании проанализированных подходов можно утверждать, что в эпоху глобализации сформировались надежды на признание целостности и взаимозависимости современного мира, необходимости диалога культур, их взаимообогащения, осознание приоритета за поведением, ориентированным на коммуникацию и понимание целей и ценностей каждой из цивилизаций – участников диалога. В ходе диалога необходимо не только признание равноправности и равноценности культур, принадлежащих к различным временным и географическим секторам, но и понимание современного статуса этих культур. Осмысливая вехи становления и развития социо-культурных сдвигов, человеческое сообщество находит путеводную нить в будущее. Эта нить в методологическом инструментарии культурно-исторического исследования фиксируется как вектор культурной трансформации деятельности, который возникает как результат взаимопроникновения и взаимодополнения культурной традиции и культурного диалога, таким образом воплощая в себе потенциал прошлого и настоящего.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ

1. Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
2. Крымський С. Б., Павленко Ю. Б. Цивілізаційний розвиток людства / С. Б. Крымський, Ю. Б. Павленко. – Київ: Вид-во «Фенікс», 2007. – 316 с.
3. Зінченко В. В. Інституційний вимір глобальних суспільних трансформацій / В. В. Зінченко. – Київ, 2012 – 491 с.
4. Крымський С. Б. Запити філософських смислів / С. Б. Крымський. – Київ: Видавець ПАРАПАН, 2003. – 240 с.
5. Шкепу М. А. Феноменологія історії в трансформаціях культури / М. А. Шкепу. – Київ: Вид-во НАУ, 2005. – 460 с.
6. Тишков В. А. Что есть Россия? (Перспективы нацистроительства) / В. А. Тишков // Вопросы философии. – 1995. – № 2.
7. Гефтер М. Я. История – позади? Историк – человек лишний? / М. Я. Гефтер // Вопросы философии. – 1993. – № 9. – С. 3-15.
8. Нириг С. Свобода: обещание и угроза. Критика культы свободы: пер. с англ. / С. Нириг, общ. ред. Ф. В. Константинов. – М.: Прогресс, 1966. – 192 с.
9. Современная западная философия: Словарь. – 2-е изд., переработанное и дополненное. – М.: ТОН Остожье, 1998. – 544 с.
10. Пахомов Ю. Н. Пути и перепутья современной цивилизации / Ю. Н. Пахомов, С. Б. Крымский, Ю. В. Павленко. – Київ: Международный деловой центр, 1998. – 432 с.
11. Hawken P., Ogilvy J., Schwartz P. Seven tomorrows – Toward a voluntary history / P. Hawken, J. Ogilvy, P. Schwartz. – New York: Bantam, 1982. – 235 p.
12. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – 368 с.
13. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / П. А. Сорокин. – М.: Наука. – 350 с.
14. Запесоцкий А. С., Маринов А. П. Д. С. Лихачев: у истоков культурологической парадигмы / А. С. Запесоцкий, А. П. Марков // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5. – С. 163-175.
15. Лихачев Д. С. Будущее литературы как предмет изучения / Д. С. Лихачев // Новый мир. – 1969. – № 9. – С. 167-184.

REFERENCES

1. Berger, P. & Khantington, S. (2004). *Mnogolikaia globalizatciia [Many-faced globalization]*. Moscow: Aspect Press [in Russian].
2. Krymsky, S.B. & Pavlenko, U.B. (2007). *Tsyvilizatsiinyi rozvytok liudstva [Civilizational development of humanity]*. Kyiv: Vyd-vo «Feniks» [in Ukrainian].
3. Zinchenko, V.V. (2012) *Instytutsiinyi vymir hlobalnykh suspilnykh transformatsii [The Institutional dimension of Global social transformations]*. Kyiv [in Ukrainian].
4. Krymskyi, S.B. (2003). *Zapyty filosofskykh smysliv [Requests for philosophical meanings]*. Kyiv: Vydavets PARAPAN [in Ukrainian].
5. Shkepu, M.A. (2005). *Fenomenologiiia istorii v transformatsiakh kultury [Phenomenology of history in cultural transformations]*. Kyiv: Vyd-vo NAU [in Russian].
6. Tishkov, V.A. (1995). *Chto est Rossiia? (Perspektivy natsiestroitelstva) [What is Russia? (Perspectives of nation-building)]*. *Questions of philosophy*, 2 [in Russian].
7. Geffer, M. (1993). *Istoriia – pozadi? Istorik – chelovek lishnii? [Is history behind? Is the historian an unnecessary person?]*. *Questions of philosophy*, 9, 3-15 [in Russian].
8. Niring, S. (1998). *Svoboda: obeshchanie i ugroza. Kritika kulta svobody [Freedom: a promise and a threat. Criticism of the cult of freedom]*. Moscow: Prohress [in Russian].
9. *Sovremennaja zapadnaja filosofija: Slovar [Modern Western Philosophy: Vocabulary]*. (1998). Moscow: TON Ostozh'e [in Russian].
10. Pakhomov, N. (1992). *Puti i pereputia sovremennoi tsivilizatcii [Ways and Crossroads of Modern Civilization]*. Kyiv: Mezhdunarodnyi delovoi tsentr [in Russian].
11. Hawken, P., Ogilvy, J. & Schwartz, P (1982). *Seven tomorrows – Toward a voluntary history*. New York: Bantam.
12. Gadamer, G.-G. (1991). *Aktualnost prekrasnogo [The relevance of the beautiful]*. Moscow: Iskusstvo [in Russian].
13. Sorokin, P.A. (2010). *Glavnye tendentsii nashego vremeni [The main trends of our time]*. Moscow: Nauka [in Russian].
14. Zapesotckiy, A.S. & Marinov, A.P. (2010). *D.S. Likhachev: u istokov kulturologicheskoi paradigmy [D.S Likhachev: the Origins of the Cultural and Paradigm]*. *Social sciences and modernity*, 5, 163-175 [in Russian].
15. Likhachev, D.S. (1969). *Budushchee literatury kak predmet izucheniiam [The future of literature as an object of study]*. *New world*, 9, 167-184 [in Russian].

Форкош Сергей Михайлович

Кандидат философских наук, кафедра філософії і методології науки
Киевский национальный университет им. Т. Шевченка
01033, Киев, ул. Владимирская, 60

Forkosh Sergij

PhD in philosophy, department of Philosophy and Methodology of Science
Taras Shevchenko Kyiv National University
60, Volodymyrska Str., Kyiv, Ukraine

ORCID: 0000-0001-7878-0957

Email: sergey.forkosh@gmail.com

Цитування: Форкош С. М. Культурно-историческое мышление и восприятие будущего / С. М. Форкош // Науково-теоретичний альманах «Грані». – 2018. – Т. 21. – №1. – С. 30-36.

Citation: Forkosh, S.M. (2018). *Kulturno-istoricheskoe myshlenie i vospriyatie budushego [Cultural-historical thinking and perception of the future]*. *Scientific and theoretical almanac «Grani»*, 21(1), 30-36.

Стаття надійшла / Article arrived: 20.01.2018

Схвалено до друку / Accepted: 27.01.2018